

Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
adkaksin@yandex.ru

Обозначение борьбы в хакасском и тувинском языках (о происхождении слова *күрес / хүреш*)

Аннотация

В статье анализируются возможности варьирования слова при развитии семантической (лексической) системы языка. Актуальность статьи определяется тем, что в хакасском и тувинском языкознании ещё недостаточно работ, посвящённых схемам развития категориальной семантики слова. В статье определяется, как значение слов, фиксируемых ещё в праязыках, развёртывается в дальнейшем, на следующих этапах языкового развития. В результате исследования выявлено, что первоначальные слова с искомой семантикой бытовали уже в пратюркскую эпоху. Их семантическое развитие характеризуется собственной логикой: вектор задаётся внутренней формой древнего корня (*күш*, *күс*); при аффиксации (*күрес*, *хүреш*) наблюдается выбор мотивирующего корня. Подтверждается предположение о том, что для разных тюркских языков вектор может быть как “одинаковым”, так и различающимся. Во втором случае различительные линии, хотя и ощутимы, проходят в известных пределах: даже при достаточно сильном отклонении от заданной линии вариации они сохраняют глубинную связь с семантикой первоначального корня. Результаты анализа этих слов как представителей определённого семантического поля важны для лингвистов – специалистов в области лексической типологии. В статье показаны пути семантического развития от двух древних корней тюркского праязыка. На примере слов со значениями ‘сила’, ‘дерзкий’, ‘борьба’ показаны способы семантической репрезентации исходного древнего корня. Выводы о семантических изменениях основываются на положениях о формально-смысловом варьировании древних тюркских языков, на знании о том, что изначальный древний корень варьирует в соответствии с фонетическими законами, приводящими к возникновению отдельных, самостоятельных языков, а семантическое развитие может быть как схожим, так и различающимся.

Ключевые слова: слово, внутренняя форма, лексическая производность, фонетические законы, хакасский язык, тувинский язык, тюркские языки.

© Каксин А. Д. 2020

1. Введение [Introduction]

При объяснении логики семантического развития (движения) от древнетюркских слов *küč* ‘сила’, *kür* ‘смелый’ [ДТС, 1969, с. 322, 328] к словам современных тюркских языков (напр., тув. *күш* ‘сила’, *хүреш* ‘борьба’, хак. *күс* ‘сила’, *күрес* ‘борьба’) представляется целесообразным указать на первоначальные (потенциальные) возможности семантического развития, заложенные во внутренней форме древних корней, показать способы дальнейшей семантической репрезентации исходного древнего корня. Это позволит дополнить указанную методологию выявлением внутренней формы слова и определением стратегии его семантического развития.

Известно, что силовое противоборство, или борьба (как вид спорта), в современных тюркских языках обозначается словом *küräš*. Приведём словарный материал, показывающий, что это слово, получив широкое распространение, содержится в тюркских языках разных территориально-генетических групп – огузского, карлукского, уйгурско-го, кыпчакского, сибирского типа [Широбокова, 2005, с. 30–31].

В древних тюркских языках слово это было синкретично: обозначало и имя действия, и само действие:

1 *күрәш* ... борьба – *der Ringkampf, das Ringen*¹.

2 *күрәш* (v) ... бороться, сражаться – *kämpfen, ringen; калы ўснәзә кутка каткун күрәш!* ... если ты противишься счастью, тогда борись сь заботами! – *wenn du dem Glücke dich widersetzest, so kämpfe mit den Sorgen!* ... *јараику јарабы нар әрзә јараиш – јок әрзә јарыклан јәл әлзін күрәш!* ... если есть средство для примирения, примиришь, а если нть, соберись сь силами и борись хладнокровно! – *giebt es die Möglichkeit Frieden zu schliessen, so schliesse ihn, ist sie aber nicht da, so nimm dich zusammen und kämpfe kaltblütig!* ... [Радлов, 1899, с. 1453].

Краткий, но вполне определённый, репрезентативный материал дают составители двуязычных словарей (в частности, татарско-русского, башкирско-русского, хакасско-русского):

көрәш сущ. 1. в разн. знач. борьба: *тынычлык өчен көрәш* борьба за мир; *ирекле көрәш* спорт. вольная борьба. 2. разг. сражение, битва, борьба [ТРС, 1988, с. 192].

көрәш в разн. знач. борьба, схватка; *кишкен көрәш* решительная схватка; *классик көрәш* классическая борьба; *қоролоққа қаршы көрәш* борьба с засухой; *милли көрәш* национальная борьба; *политик көрәш* политическая борьба; *синфи көрәш* классовая борьба; *һүҙ көрәше* словесная схватка; *тыныслық өсөн көрәш* борьба за мир; *көрәшкә сығыу* вступить в борьбу, принять бой, бороться; *көрәш тотоу* вести борьбу, бороться [БРС, 1996, с. 302].

КҮРЕС спорт. борьба; *күреске чөрерге* ходить и ездить на соревнования (по борьбе); *күрес иртірерге* проводить соревнования по борьбе [ХРС, 2006, с. 218].

И, наконец, тем же словом называется состязание, силовое противоборство дерзких, смелых людей (мужчин) в тувинском языке (в котором, ожидаемо, /χüreš/):

борьба ... 2. спорт. *хүреш* ... вольная борьба *хостуг хүреш* [КРТС, 1994, с. 28].

Различие фонетических вариантов объясняется длительной, сложной историей развития тюркской языковой семьи. Семантическое развитие идет по-разному, но в основной, ядерной части – вполне сопоставимо: историческим словом обозначаются явления (действия), предполагающие столкновение и последующее противоборство разных общественных групп, каждая из которых отстаивает свою точку зрения. Важно, однако, что борьба в ‘спортивном’ смысле предполагает противостояние, как правило, только двух участников. В семантической структуре слова, как известно, сочетаются компоненты разных мотивирующих «установок» – экстралингвистической, логико-семантической, логико-грамматической [Черемисина, 1998, с. 13–16; Бавуу-Сюрюн, 2015; Ооржак, 2016; Чертыкова, 2017; Шамина, 2019].

2. *Küres / hyreš*: этимология и семантика [*Küres / hyreš*: Etymology and semantics]

2.1. Этимология: *kür, küč* и производные от данных слов [Etymology: *kür, küč* and their derivatives]

По всей видимости, первоосновой (древним корнем, мотивировавшим хак. /kür/ и тув. /käŋ-ži/), следует считать древнетюркское слово *kür*:

KÜR смелый, отважный: *kür er* смелый мужчина ...; *kim kür bolsa küväs bolur* кто смел, тот горд ...; *kür küväs erdi qılqı köni* был он смелый, гордый, правдивый ... [ДТС, 1969, с. 328] (см. также EDAL, 2003, p. 19).

В древних тюркских языках такое, именное по характеру, слово не зафиксировано, но сам глагол, безусловно, функционировал уже в этот период:

1. В словаре Радлова, помимо русского перевода, дан немецкий. Желая сохранить оригинальный замысел создателя словаря, в статье приводим оба перевода.

KÜRÄŞ- бороться, сражаться *qiz birlä kürüşmä qisraq birlä jarişma* с девицей не борись, с кобылицей не состязайся ... [ДТС, 1969, с. 328] (см. также [EDAL, 2003, p. 671]).

В нашем случае, очевидно, нужно констатировать следующее: в тюркском языке должно было быть слово для обозначения наблюдаемого физического свойства человека – силы мышц, благодаря чему он мог поднимать, сдвигать с места и переносить тяжести, мог одолеть другого человека в рукопашной. Действительно, в древнетюркском словаре содержится указание на наличие в древних тюркских языках единицы KÜÇ I, имеющей два значения:

KÜÇ I 1. сила: *täñri küç bertük üčün* так как бог даровал [ему] силу...; *er küči kevidi* силы мужчины ослабли...; *señinä bar ərkan jigilik küči* у тебя ещё есть, оказывается, молодецкая сила...; *bu ot küči* сила этого лекарства...; 2. сила, насилие: *küç eldin kirsä törü tünluktin çiqar* если сила входит через дверь, то законность выходит через дымовое отверстие...; *säbäb señ señ emdi qamuy ęrgükä / küçüg tiryuqa häm törü bergükä* ты стал теперь причиной всего хорошего, [причиной] препятствия насилию и установления законности... [ДТС, 1969, с. 322] (см. также [EDAL, 2003, p. 19]).

Как видим, словарь фиксирует и достаточно абстрактные понятия ('сила лекарства'), но, видимо, это объясняется хронологией текстов, из которых взяты примеры. Эти тексты трудно назвать древними: памятник Кюль-Тегину датируется VIII веком, словарь Махмуда Кашгарского – XI веком, медицинские сочинения (уйгурским письмом) – VIII–XIII веками [Закиров, 1990].

Ещё более показательное употребление искомого слова в связанных сочетаниях и идиомах, в контексте которых оно приобретает оттенки 'поддержка', 'силы (для службы)', 'мощь; могущество':

küç basut парн. помощь, поддержка: *jetili iki jegirmili ęrklig küçlüglärdän küç basut kełriün* пусть будет поддержка от семи и двенадцати повелителей...; **küç ber-** отдавать силы, служить: *aqa inilärimiz birlä bayni ędläp özgä alban jasaq turmajin [qan]larimırqa küç berip joridimır erti* мы вместе с нашими братьями обрабатывали сад и, не неся других повинностей, жили служа ханам...; **küç küsün** парн. сила, мощь: *sirlärkä bu baliqqä kirgülig küç küsün kim berdi* кто дал вам силы, чтобы вступить в этот город? ...; **küç qıl-** совершать насилие: *munuğrin baraqi bu küç qıyan ol* следующие за этим те, кто совершает насилие...; *añar küç qılıp özkä alma tamuı* совершая насилие над ними, не готовь (букв. не бери) себе ад...; **küç tut-** использовать силу, опираться на кого-л.: *ęrklig beğ işiniñ küçin tutup* опираясь на силу могущественного бека и его жены... [ДТС, 1969, с. 322–323].

2.2. Семантика *kür, küç* и их производных в хакасском и тувинском языках [Semantics of *kür, küç* and their derivatives in Khakas and Tuvin]

Далее рассмотрим функционирование данного слова в хакасском и тувинском языках. Как известно, хакасы (минусинские татары) и тувинцы (урянхайцы) явились перед исследователями-лингвистами как самобытные, самостоятельные народности в середине XIX века. К тому времени каждый из этих этносов уже представлял единство в антропологическом, культурно-хозяйственном и языковом отношении. Поэтому можно сказать, что те лексические единицы, о которых далее пойдет речь, были в хакасском и тувинском языках уже в начальный период их отдельного бытия. Но зародились они еще в период существования пратюркского языка. Логика подсказывает, что первоначальными должны быть слова со значениями 'сила' и 'проявлять силу'. Далее, можно постулировать наличие в пратюркскую эпоху и других, однокоренных, слов, входящих в этот семантический ряд. Такое предположение также исходит из наших знаний о внутренней логике языка. Часто в отдельных фрагментах языка (к примеру, в том же ряду однокоренных слов) сближаются онтологические (сущностные) и аксиологические (ценностные, или по-

тенциальные, или идеальные) понятия. И отношения между ними могут рассматриваться не обязательно в рамках ‘род – вид’, они могут укладываться в схему перехода от общего к частному, от абстрактного – к конкретному. С логической точки зрения, названный переход «происходит по принципу индивидуализации общей схемы. Взаимосвязи общего и частного в актах индивидуализации гораздо тоньше и обширнее родо-видовых типов связи между понятиями... Родо-видовые отношения представляют собой как бы срез одной плоскости, если иметь в виду положение, согласно которому признак рода должен переходить на признак вида. Идея о сущности или идеал не обязательно реализуется в эмпирическом мире, с одной стороны, а с другой, может быть реализован с различной степенью, различными способами и в многообразии форм» [Герасимова, 2000, с. 14–15].

Применительно к обсуждаемой семантике данная дихотомия формулируется, видимо, следующим образом: что позволяет человеку вступить в противоборство с другим человеком – ‘сила физическая, мышечная’ или ‘смелость, решительность, дерзость’ (сила духа)? Да, наверное, и то, и другое, но основой словопроизводства в каждом отдельном случае может быть только один корень.

Для определения круга лексических единиц современных тюркских языков обратимся к соответствующим словарям. В большом толковом словаре хакасского языка находим следующий ряд слов, входящих в ядро лексико-семантического поля ‘сила ~ борьба’: *күс, күр, күрезерге, күрес*.

КҮС 1) сила... **күс алынарға** набираться сил... **күс саларға** приложить усилия, напрячь силы... 2) сила, войска; **тиріліг күстер** вооруженные силы; 3) усилие, напряжение; труд... **пар-чох күзінең** изо всех сил [ХРС, 2006, с. 219].

Күстерін пиктеп тамырында,

Олар чилегее ханнарын пир парча. ...

– Ағын суғ чілі тулғорларда,

Күзін чідіріп, аас-тіл хызырылза,

Тыныңар чілі хайраллирға

Чилегелеңер, – Чир-іңе чайытча [ТЧ, 2010, с. 51].

Силы свои укрепляя,

Отдают они кровь корням. ...

– Если, как быстрая река перед плотиной,

Теряя **силы свои**, ваш язык начнет исчезать,

Укрепляйте свои корни,

Чтобы жизнь убережет свою, – Мать-земля поддержит [перевод автора статьи].

Здесь искомое слово употреблено в физическом значении: ‘силы (природные); мощь; мощность’.

Махачы даа кирі тудынза,

Хатыг күресте чиндірче [ТЧ, 2010, с. 79].

Хоть и храбрится старый,

Но уступает **в жесткой борьбе** [перевод автора статьи].

В этом случае, возможно, имеется в виду не собственно схватка (поединок), а вообще борьба (борьба с соперниками, но не обязательно на борцовском ковре). Осмысленное как определение, слово *күс* в хакасском языке приобретает значение ‘сильный’:

Уйғудағыларны усхура,

Чадындағыларны турғыза, мин парчам.

Андағ **күстігізім** мин! [ТЧ, 2010, с. 127].

Пробуждая спящих,

Поднимая лежащих, я иду.

Такой я **сильный!** [перевод автора статьи]

Обратим внимание на то, что в контексте разговора о борьбе как спорте наиболее употребительны две коннотации данной лексемы: собственно *сила* (как качество человеческого тела) и *усилие, напряжение* как отдельные составляющие физической силы.

КҮР дерзкий, заносчивый, задиристый, драчливый; **күр кизи** задира, забияка, драчун [ХРС, 2006, с. 217].

Таким образом, историко-этимологический анализ показывает разную семантику слов-корней *кус* и *кур*. Далее, в данной работе хотелось бы проанализировать формальные и семантические особенности производных слов (современных тюркских языков), причастных к репрезентации понятия ‘силовое единоборство’.

Слово *күр* – многозначное (в словаре приводится пять значений), но именно первое, указанное выше, является мотивирующим при образовании глагола со значением ‘бороться, состязаться’ и именного слова, обозначающего борьбу как единоборство, вид спорта:

КҮРЕЗЕРГЕ /күрес-/ ... бороться, состязаться; **күресчилер күресчелер** борцы состязаются (в единоборстве) [ХРС, 2006, с. 218].

В процессе дальнейшего развития глагольная основа становится отдельным, самостоятельным словом именного характера. (Во многих грамматиках, в частности, грамматике русского языка, такой способ словообразования называется *безсуффиксальным*).

КҮРЕС спорт. борьба; **күреске чөрерге** ходить и ездить на соревнования (по борьбе); **күрес иртірерге** проводить соревнования по борьбе [ХРС, 2006, с. 218].

В тувинском языке представлен тот же набор лексических единиц, и во всех случаях прослеживается родство тюркских языков (производство от одного и того же древнего корня). Яркой особенностью тувинского языка является то, что для обозначения ‘силы’ в нем представлены сразу несколько слов. Одно из них непосредственно соотносится с рассмотренным выше хакасским вариантом:

сила 1. күш, шыдал; **обладать большой силой** улуг күштүг болур ... 3. (*интенсивность, напряженность*) күш ... **сила ветра** хаттыг күжү [КРТС, 1994, с. 342].

Разумеется, в тувинском языке есть и слово *күреш* ‘борьба’. Произведено оно от именной основы *карыш* ‘безжалостный; злой’, которое в смысловом отношении пересекается с общетюркским глаголом *карыш-* ‘противостоять, противиться’ [Татаринцев, 2004, с. 113–114].

Другими словами, *күреш* – это процесс, действие, для успешного производства которого необходима способность к противостоянию (сопротивлению). В определенном контексте это слово приобретало значения ‘турнир борцов’, ‘соревнования по борьбе’:

Хүрээлерим хүрээм салса,

Күжүдүм туьтчуур мен.

Чаңгыларым чарыш салса,

Чараш оюмны салыр мен.

Будет хуреш народ проводить,

Выйду помериться силой своей.

Будет скачки народ проводить,

Выставлю я своего Чараш ой [Образцы фольклора... 2003, с. 71].

Как видим, семантическое сходство (точнее, единство) – совершенно явное. О формальном варьировании также можно сказать кратко: данный пример ярко иллюстрирует переход древнетюркского конечного [ç] в языках-потомках (в тувинском, в частности, в [š], в хакасском, как и в якутском, – в [s]) [Убрятова, 1961, с. 116].

Итак, выше мы указали на одну из этимологических версий, согласно которой слово со значением ‘борьба’ в тюркских языках произошло от именной основы. Однако, при всей логичности, она представляется не до конца убедительной. Далее обратимся к

другой версии, “глагольной”, которая представлена в двух этимологических словарях, изданных в традициях европейской лингвистической школы.

Слово со значением ‘борьба’ М. Рясänen (M. Räsänen) возводит к глаголу *küräš-* ‘бороться’, образованному, в свою очередь, от глагола *kürä-* ‘разбивать, раздроблять, рыть, копать’. И только далее следует допущение, что *kürä-* произошло от *kür* ‘храбрый, отважный’ [Räsänen 1969, S. 310].

Как видим, исходным в данной цепи значится слово, обозначающее натуру человека (*отважный*), далее семантический ряд продолжает глагол, обозначающий результат действия отважного человека (*разбивать*), и логически завершает данный семантический ряд слово со значением процесса (*бороться*): очевидно, что в процессе борьбы добиваться нужного результата может только человек определённого склада. Принимая такой ход словообразования в искомом фрагменте языка, сравним выводы М. Рясänen с данными другого авторитетного источника – словаря Дж. Клосона. Этимология слова *küreš-* ‘бороться’ представлена в нём следующим образом:

Co-op. f. of **küri-** (sic, q. v.); ‘to shovel together’. In this sense, noted only in Kaš., it must, like **küri-**, always have had an initial **k-**. But in the sense of ‘to wrestle’, in which it s.i.a.m.l.g., there are NW and SW \\\ forms with initial **g-**, NW Kk. *güreš-*: SW Osm. *güreš-*; Tkm. *göreš-*. In this sense, therefore, it seems to be the Recip. f. of (2) **küre-* (g-). Hak. x1 ol mağa: ka:r kürešdi: ‘he helped me to shovel (fi carf) the snow’ (etc.); also used for ‘to compete’ Kaš. // g9 (*kürešü:r*, *kürešme:k*); o.o., k1:z birle: *kürešme:* ‘do not wrestle with a virgin’ (la tušeri’i’1-adre; she will be stronger than you and will beat you) I 474, 6; čerig tutup kürešti: hayuacn kull tvehid minhume harb tea fagetii/e ‘they both stirred up war and fought one another’ II 97, 15 : KB (if you rebel against fortune) kadğun küreš ‘(prepare to) wrestle with adversity’ 681; o.o. 2249, 2360: Čağ. xv ff. *güreš-* (spelt, ‘with g-’) kušti giriftari ‘to wrestle’ San. 304V. 20: Xwar. xiv *küreš-* ditto Qutb 108: Kip. xiii šera’a *küreš-* Hou. 41, 13: xv ditto Id. 80; Bui. 55V.: xv ditto Tuh. 22b. 12 [Clauson, 1972, c. 748].

Как видим, в словарях М. Рясänen и Дж. Клосона семантика лексической единицы *küräš-* / *küreš-* ‘бороться’ объясняется её происхождением от глагольных слов, применимых для обозначения следующих типовых ситуаций: *противодействовать стихии, совладать с девственницей, сражаться с противником (на войне), восстать против фортуны (судьбы), преодолеть невзгоды*. Объединяет все эти ситуации одно: для их разрешения (в свою пользу) необходима не столько физическая, мышечная сила, сколько решительность, сила духа и крепость характера.

Итак, применительно к обсуждаемой семантике, на определённом этапе развития тюркских языков возникла дилемма: как образовать слово со значением ‘борьба, противоборство’? От какого корня должно пойти новое словопроизводство? Вопрос разрешился в пользу слова со значением ‘противодействовать, разбивать’: для того, чтобы вступить в силовое противоборство, прежде собственно силы, необходимо такое качество, как решимость идти до конца (стремление одолеть, разбить противника).

«Стимулом к активному функционированию человека являются желания. Человек реализует их с помощью силы, которая называется *волей*; воля, собственно, и есть способность приводить в исполнение свои желания» [Апресян, 1995, с. 40].

Делая отсылку к приведенным выше данным хакасского языка, можно сказать, что человек, вызывающий соперника на борьбу, должен быть заносчивым, задиристым, драчливым. И, хотя в тувинском языке имеется много слов, обозначающих такого человека (*адыыргак*, *сыузыг*, *ёзуургак* ‘заносчивый’, *содаачы* ‘драчун’), тувинцы о человеке, увлеченном спортивной борьбой, как и хакасы, прежде скажут, что он – дерзкий:

дерзкий прил. каржы, бардам; **дерзкий ответ** каржы харыы; **дерзкий поступок** каржы үүлгедиг [КРТС, 1994, с. 75].

Вернёмся к слову со значением ‘бороться’ в древних тюркских языках.

KÜRÄŞ- бороться, сражаться *qiz birlä küräşmä qisraq birlä jarişma* с девичей не борись, с кобылицей не состязайся ... [ДТС, 1969, с. 328].

Как видим, и пословица, приводимая в качестве примера, подтверждает употребление данного глагола в контексте рассказа о состязательной сфере (упоминаются конные скачки); при этом в семантику глагола входит и тот смысл, что состязаются, противоборствуют отдельные люди, а не войсковые объединения (тумены). Для обозначения борьбы войск (т. е. больших групп людей) в тюркских языках вырабатываются другие слова: к примеру, в хакасском языке – *чаалазарга*, в тувинском – *чаалажыр, дайылдажыр*. Если взять материал других тюркских языков, картина будет еще сложнее, еще замысловатее. Все это «свидетельствует о МНОГООБРАЗИИ тех возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования, а тем самым и для расподобления» [Черемисина, 1992, с. 77].

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, разобранный материал тюркских языков показывает, что изначальный древний корень варьируется в соответствии с фонетическими законами, приводящими к возникновению отдельных, самостоятельных языков, а семантическое развитие может быть как “одинаковым”, так и различающимся. Во втором случае различительные линии, хотя и ощутимы, проходят в известных пределах: даже при достаточно сильном отклонении от заданной линии вариации сохраняют глубинную связь с семантикой первоначального корня. В своем исследовании мы стремились проследить путь семантического развития (в естественных языках): от слова со значением ‘дерзкий’ к слову со значением ‘борьба (вид спорта)’, от понятия *решительный (человек)* к понятию *спортивное единоборство*. В тюркских языках этот путь – очень короткий. Как показывает рассмотренный материал, со всей определенностью в развитии тюркских языков можно констатировать единую (она возникла уже в пратюркском языке) схему появления слова *kürēs / хүреш* ‘борьба (спорт)’. Выясняется, что изначальным мотивирующим был корень со значением ‘дерзкий’: древним тюркам было ясно, что возможность войти в противоборство с соперником предопределена не столько физической силой, сколько волевыми чертами характера – дерзостью, заносчивостью, бесстрашием, способностью бросить (и принять) вызов.

Перспектива дальнейшего исследования связана с возможностью расширения круга слов, этимология которых скрыта и неясна для современных носителей языка. Было бы полезно выявить происхождение и пути семантического развития слов, обозначающих волевые черты характера человека: *целеустремленность, решимость, задор, риск, инициатива, азарт*. Именно они мотивируют человека на решительные, энергичные действия и, самое главное, на достижение конкретного, определённого результата. Слов и оборотов, связанных с обозначением волевой составляющей психической деятельности, достаточно много в каждом языке. Этот специфический лексико-семантический фрагмент нуждается в тщательном исследовании методами современной когнитивистики, семантики и лексической типологии.

Список литературы

- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
- Бавуу-Сюрюн, 2015 – Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. №2. С. 114–123.

- БРС, 1996 – Башкирско-русский словарь. 32000 слов / отв. ред. З. Г. Ураксин. М. : Изд-во “Диго-ра”, “Русский язык”, 1996. 884 с.
- Герасимова, 2000 – Герасимова И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка. Языки этики / отв. редакторы Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 7–16.
- ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь / Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, 1969. 676 с.
- Закиров, 1990 – Закиров Р. У. Уйгурское письмо // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 533.
- ТЧ, 2010 – Казачинова Г. Г. Төлібіс чулазы (Древо жизни): стихи и переводы. На хакасском языке. Абакан : Диалог–Сибирь, 2010. 140 с.
- КРТС, 1994 – Краткий русско-тувинский словарь / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Новости Тувы, 1994. 432 с.
- Образцы фольклора, 2003 – Образцы фольклора и речи кобдосских тувинцев / Цэцэгдарь Уламсурэнгийн / Научный редактор М. В. Бавуу-Сюрюн. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2003. 192 с.
- Ооржак, 2016 – Ооржак Б. Ч. Реальность настоящего и его отражение в тувинском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 150–157.
- Радлов, 1899 – Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 2. СПб. : тип. Имп. акад. наук, 1899. С. 1053–1814.
- Татаринцев, 2004 – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. III : К, Л. Новосибирск : Наука, 2004. 440 с.
- ТРС, 1988 – Татарско-русский словарь. Около 25000 слов / под ред. проф. Ф. А. Ганиева. Казань : Татарское книжное издательство, 1988. 462 с.
- Убрятова, 1961 – Убрятова Е. И. Вопросы исторического изучения тюркских языков и происхождение якутского языка // Вопросы методов изучения истории тюркских языков : стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде 19-22 октября 1959 г. / под ред. Ф. Д. Ашнина. Ашхабад : Изд-во АН Туркменской ССР, 1961. С. 113–118.
- ХРС, 2006 – Хакасско-русский словарь / сост. А. С. Кызласов, П. Е. Белоглазов. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Черемисина, 1992 – Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири : учеб. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т., 1992. 92 с.
- Черемисина, 1998 – Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики : учеб. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т., 1998. 128 с.
- Чертыкова, 2017 – Чертыкова М. Д. Концептуальное пространство уйат “стыд, стыдиться” в хакасской языковой картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 1 (15). С. 44–51.
- Шамина, 2019 – Шамина Л. А. Лексема шаг ‘время’ и вопросы грамматикализации в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2019. № 2. С. 182–192.
- Широбокова, 2005 – Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск : Наука, 2005. 269 с.
- Clauson, 1972 – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford at the Clarendon Press, 1972. 1035 p. URL : [http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800\(747-846\).htm](http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800(747-846).htm) (дата обращения: 26.05.2017).
- EDAL, 2003 – Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. Etymological dictionary of the Altaic languages : [part 3: indices]. Leiden; Boston : Brill, 2003. 2096 p.
- Räsänen, 1969 – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1969. 533 S.

Andrey D. Kaksin
Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
adkaksin@yandex.ru

Words denoting wrestling in Khakas and Tuvin languages (on the origin of the word *küres* / *hyreš*)

Abstract

The article analyzes the possibilities of word variation in the development of the semantic (lexical) system of language. The necessity of this study is determined by the fact that in Khakass and Tuva linguistics there are not enough works devoted to development patterns of categorical semantics of the word. The article defines how the meaning of words found in proto-languages is advanced at further stages of language development. The obtained results demonstrate that the original words with the semantics in question already existed in the Old-Turkic era. Their semantic development is characterized by its own logic: the vector is set by the inner form of an ancient root (*kyš*, *küs*); during affixation (*küres*, *hyreš*), the choice of the motivating root is observed. The hypothesis is proven that for different Turkic languages, the vector can be either “the same” or different. In the second case, the distinctive lines, although visible enough, extend within certain limits: even with a sufficiently strong deviation from a given line of variation, they maintain a deep bond with the semantics of the original root. The results of the analysis of these words, as representatives of a certain semantic field, are important for linguists who specialize in the field of lexical typology. This study shows the paths of semantic development from the two ancient roots of the Turkic proto-language. The example of words with the meanings ‘force’, ‘daring’, ‘wrestling’, shows the ways of semantic representation of the original ancient root. Conclusions about semantic changes are based on the framework of the form-meaning variation of ancient Turkic languages, as well as on the knowledge that the original ancient root varies according to phonetic laws leading to the emergence of separate, independent languages, and therefore, semantic development can be either similar or different.

Keywords: word, inner form, lexical derivative, phonetic laws, Khakas language, Tuvin language, Turkic languages.

© Kaksin A. D. 2020

References

- Apresyan Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of man: An experiment in systematic description based on linguistic data]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Voprosy Jazykoznanja]. 1, 37–67.
- Bavuu-Syuryun M. V. (2015). *Sovremennye slovoobrazovatel'nye protsessy, obuslovlennye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka)* [The modern word-formative processes conditioned by language contacts (based on the Tuvinian language)]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2, 114–123.
- Uraksin, Z. G. (Ed.). (1996). *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian Dictionary]. 32000 words. Moscow : Digora Press, Russkiy yazyk.
- Gerasimova I. A. (2000). *Deonticheskaya logika i kognitivnye ustanovki* [Deontic logic and cognitive attitudes]. In N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva (Eds.), *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki etiki*. [Logical analysis of the language. Languages of ethics] (pp. 7–16). M.: Yazyki russkoy kul'tury.
- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (Eds.). (1969). *Drevneturykskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad : Nauka Press.

- Zakirov, R. U. (1990). Uygurskoe pis'mo [Uyghur writing]. In V. N. Yartseva (Ed), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (p. 533). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Kazachinova, G. G. (2010). *Tölibis chulazy* [The tree of Life: poems and translations]. Abakan : Dialog – Sibir' Press. (TCH). (in Khakas).
- Mongush, D. A. (Ed.). (1994). *Kratkiy russko-tuvinskiy slovar'* [Brief Russian-Tuvan dictionary]. Kyzyl : Novosti Tuvy Press.
- Bavuu-Syuryun, M. V. (Ed.). (2003). *Obraztsy fol'klora i rechi kobdosskikh tuvintsev* [Samples of folklore and speech of Kobdo Tuvans]. In M. V. Bavuu-Syuryun (Ed.). Kyzyl : Tuvinskoe Press.
- Oorzhak, B. Ch. (2016). Real'nost' nastoyashchego i ego otrazhenie v tuvinskom yazyke [The reality of the present and its reflection in the Tuvan Languages]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2 (47), 150–157.
- Radlov, V. V. (1899). *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. Vol. II, Part 2 (pp. 1053–1814). Saint-Petersburgh : Imperial Academy of Sciences Publishing House..
- Tatarintsev, B. I. (2004). *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. 3 : K, L. Novosibirsk : Nauka Press.
- Ganieva, F. A. (Ed.). (1988). *Tatarsko-russkiy slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. About 25000 words. Kazan : Tatarskoe Press.
- Ubryatova, E. I. (1961). *Voprosy istoricheskogo izucheniya tyurkskikh yazykov i proiskhozhdenie yakutskogo yazyka* [Issues of historical study of the Turkic languages and the origin of the Yakut language]. In F. D. Ashnin (Ed.), *Voprosy metodov izucheniya istorii tyurkskikh yazykov: stenogramma koordinatsionnogo soveshchaniya po voprosam metodov izucheniya istorii tyurkskikh yazykov, sostoyavshegosya v Ashkhabade 19–22 oktyabrya 1959 g.* [The Issues of the methods of studying the history of Turkic languages: Transcript of the coordination meeting on methods of studying the history of Turkic languages, held in Ashgabat on October 19–22, 1959] (pp. 113–118); Institute of linguistics (Academy of Sciences of the Turkmen SSR). Ashkhabad : AN Turkmenskoy SSR Press.
- Kyzlasov, A. S., P. E. Beloglazov (Eds.). (2006). *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Cheremisina, M. I. (1992). *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia] : Coursebook. Novosibirsk : Novosibirsk State University Press.
- Cheremisina, M. I. (1998). *Yazyk kak yavlenie deystvitel'nosti i ob"ekt lingvistiki* [Language as a phenomenon of reality and object of linguistics] : Coursebook. Novosibirsk : Novosibirsk State University Press.
- Chertykova, M. D. (2017). Kontseptual'noe prostranstvo uyat “styd, stydit'sya” v khakasskoy yazykovoy kartine mira [Conceptual space уят “shame to be ashamed” in the khakass language picture of the world]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 1 (15), 44–51.
- Shamina, L. A. (2019). Leksema shag ‘vremya’ i voprosy grammatikalizatsii v tuvinskom yazyke [The lexeme shag “time” and the issues of grammatization in Tuvan language]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2, 182–192.
- Shirobokova, N. N. (2005). *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Relation of the Yakut language to the Turkic languages of southern Siberia]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford at the Clarendon Press. Retrieved April 16, 2020 from <[http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800\(747-846\).htm](http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/ClausonEDT/Clauson_EDTp701-800(747-846).htm)>.
- Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. (2003). *Etymological dictionary of the Altaic languages: [part 3 : indices]*. Leiden ; Boston : Brill, 2003. (EDAL).
- Räsänen, M. (1969). *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen*. Helsinki :Suomalais-ugrilainen seura.